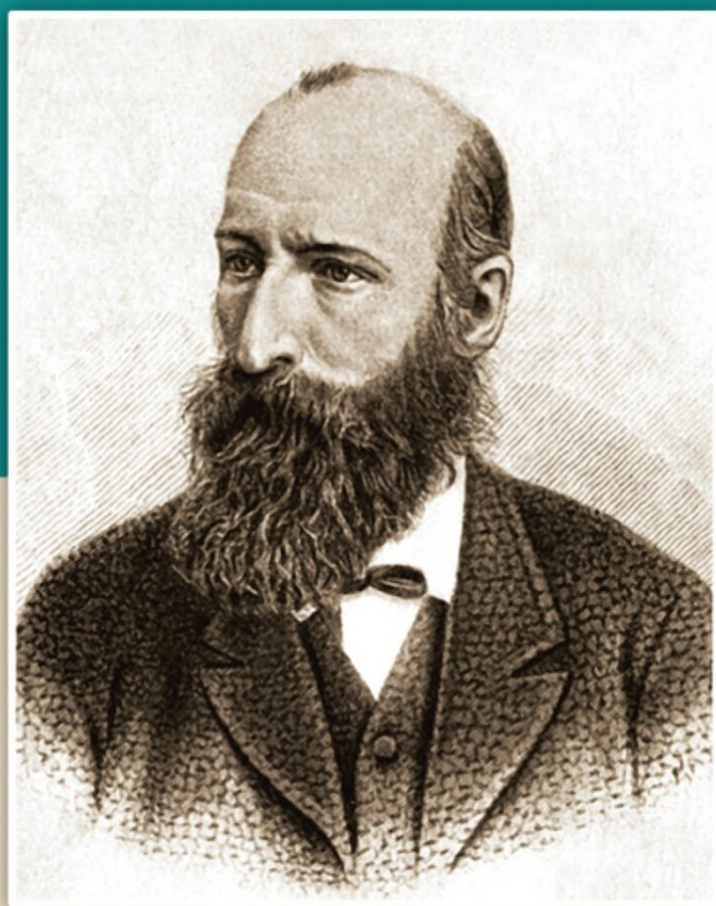

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

ИЗ СОБРАНИЯ
А.Н. АФАНАСЬЕВА

Александр Афанасьев

**Русские народные сказки. Из
собрания А.Н. Афанасьева**

ТД "Белый город"

УДК 821.161.1

ББК 84Р1-44

Афанасьев А. Н.

Русские народные сказки. Из собрания А.Н. Афанасьева /
А. Н. Афанасьев — ТД "Белый город",

ISBN 978-5-00119-151-3

Имя Александра Николаевича Афанасьева стоит в одном ряду с именами выдающихся русских ученых XIX века. Он известен как историк культуры и исследователь русской литературы, этнограф и фольклорист. Мысль о создании сборника «Народных русских сказок» возникла у него еще в 1851 году. С 1855 по 1863 год вышло восемь выпусков сказок, почти 600 текстов. Это самое большое собрание народных сказок, известное мировой науке. Более трети сказочных материалов были предоставлены Афанасьеву из архива Русского географического общества. Около 200 сказок он получил от В.И. Даля. Афанасьев пользовался также материалами других собирателей фольклора и немногочисленными собственными записями, сделанными в Воронежской губернии. Издания сказок он сопровождал предисловиями и обстоятельными комментариями, в которых приводил сравнительные материалы к публикуемым текстам. В данном издании собраны самые известные и популярные сказки из собрания великого исследователя русского народного фольклора.

УДК 821.161.1

ББК 84Р1-44

ISBN 978-5-00119-151-3

© Афанасьев А. Н.
© ТД "Белый город"

Содержание

Предисловие	8
Сказки	14
Лисичка-сестричка и волк	15
Старая хлеб-соль забывается	19
Лиса-плачя	21
Мужик, медведь и лиса	26
Волк-дурень	28
Золотая рыбка	32
Гуси-лебеди	36
Три царства – медное, серебряное и золотое	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Русские народные сказки. Из собрания А.Н. Афанасьева

© ООО ТД «Белый город», издание, дизайн, макет, 2023

© Молюков М.И., подготовка текста, 2023

* * *

Издано при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации

Иллюстрации художника Владимира Немова из Мстёры

А. Афанасьев

Предисловие

Между разнообразными памятниками устной народной словесности (песнями, пословицами, поговорками, причитаниями, заговорами и загадками) весьма видное место занимают сказки. Тесно связанные по своему складу и содержанию со всеми другими памятниками народного слова и исполненные древних преданий, они представляют много любопытного и в художественном и в этнографическом отношениях. Важное значение народных сказок как обильного материала для истории словесности, филологии и этнографии давно признано и утверждено даровитейшими из германских ученых. Они не только поспешили собрать свои народные сказки и легенды, но еще усвоили немецкой литературе в прекрасных переводах почти все, что было издано по этому предмету у других народов. Конечно, нигде не обращено такого серьезного внимания на памятники народной словесности, как в Германии, и в этом отношении заслуга немецких ученых действительно велика, и нельзя не пожелать, чтобы благородный труд, подъятый ими на пользу народности, послужил и нам благим примером. Пора, наконец, и нам дельней и строже заняться собранием и изданием в свет простонародных сказок, тем более что, кроме поэтического и ученого достоинств подобного сборника, он может с пользою послужить для первоначального воспитания, представляя занимательные рассказы для детского чтения. Разумеется, предпринимая издание с этою последнею целью, необходимо допустить строгий выбор, но такой выбор легко будет сделать. Увлекаясь простодушною фантазиею народной сказки, детский ум нечувствительно привыкнет к простоте эстетических требований и чистоте нравственных побуждений и познакомится с чистым народным языком, его меткими оборотами и художественно верными природе описаниями. Мысль эту разделяли лучшие из наших поэтов: Жуковский и Пушкин, познакомившие публику с некоторыми народными сказками, передавая их простое содержание в прекрасных стихах. Жуковский под конец своей жизни думал исключительно заняться переводом сказок различных народов; а Пушкин в одном из своих писем говорит о себе: «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!» Цель настоящего издания объяснить сходство сказок и легенд у различных народов, указать на ученое и поэтическое их значение и представить образцы русских народных сказок.

Мы не раз уже говорили о доисторическом средстве преданий и поверий у всех народов индоевропейского племени.

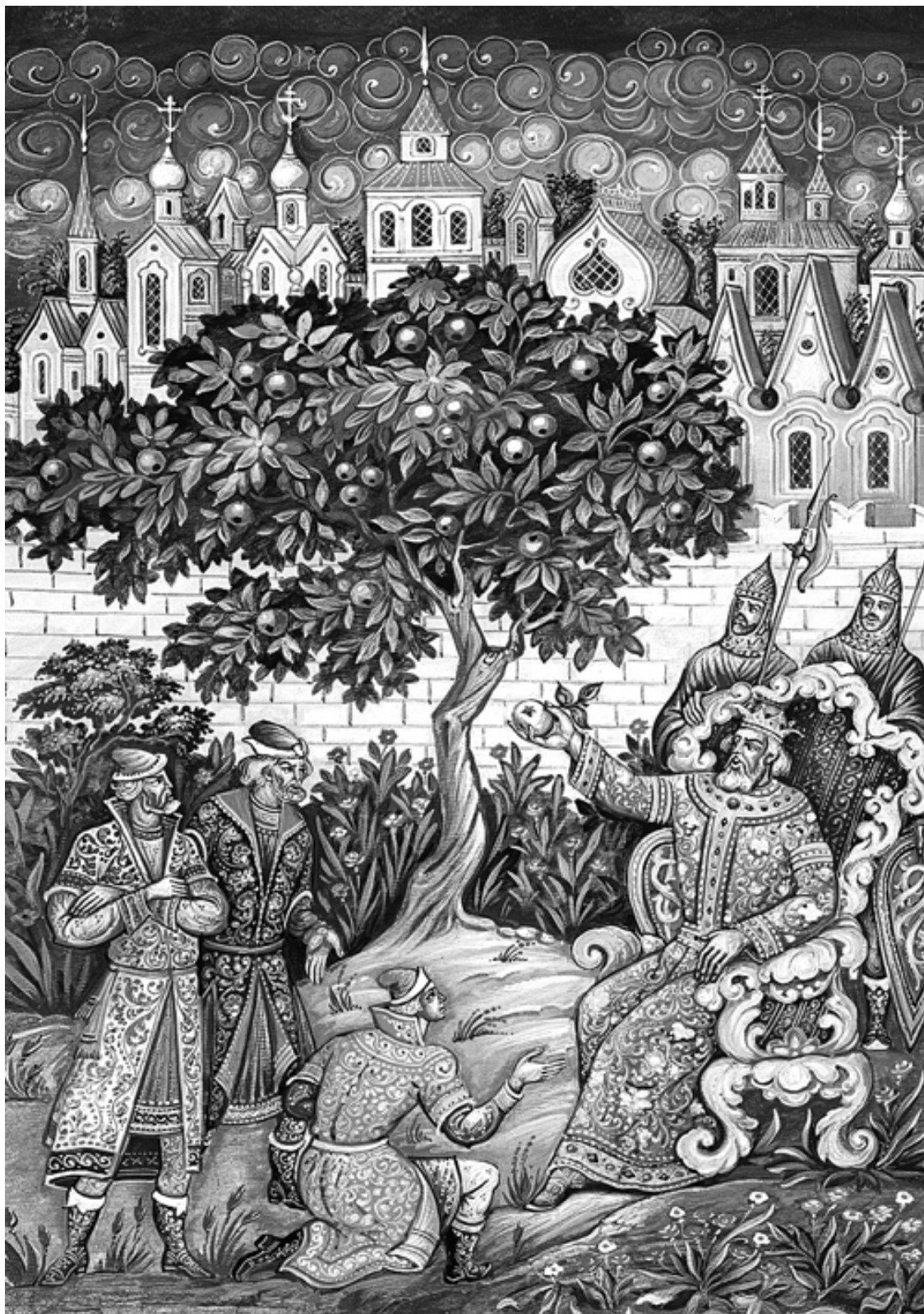
Такое сродство условливалось: во-первых, одинаковостью первоначальных впечатлений, возбужденных в человеке видимою природою, обожание которой легло в основу его нравственных и религиозных убеждений, в эпоху младенчества народов; во-вторых, единством древнейшего происхождения ныне столько разъединенных народов. Разделяясь от единого корня на отдельные ветви, они вынесли из прошлой своей жизни множество одинаковых преданий, и доказательства своего изначального родства затаили в звуках родного слова. Доказано, что тою же творческою силою, какую создавался язык, создавались и народные верования и верная их представительница – народная поэзия; образование слова и мифа шло одновременно, и взаимное воздействие языка на создание мифических представлений и мифа, на рождение слова не подлежит сомнению. Теперь, если мы припомним, что народные сказки древнейшей первичной формации сохранили в себе много указаний и намеков на седую старину доисторического периода, что они суть обломки древнейшего поэтического слова – эпоса, который был для народа хранилищем его верований и подвигов, – для нас будет понятно и то удивительное с первого взгляда сходство, какое замечается между сказками различных народов, живущих на столь отдаленных одна от другой местностях и столь разною историческою жизнью. Особенно такое сходство замечается между сказками народов, состоящих в наиболее близком племенном родстве, например между сказками славянскими, литовскими и немецкими.

Народные русские сказки раскрывают пред нами обширный мир. Поверья и предания, встречаемые в них, говорят о старинном доисторическом быте славянских племен; олицетворенная стихия, вещи птицы и звери, чары и обряды, таинственные загадки, сны и приметы – все послужило мотивами, из которых развился сказочный эпос, столько пленительный своею младенческою наивностью, теплою любовью к природе и обаятельною силою чудесного.

Могучие силы и поразительные явления природы, признанные в эпоху язычества за богов, вследствие обычного развития древних верований воплощались не только в птиц и зверей, но и в антропоморфические образы и, сблизившись мало-помалу с человеческими формами и свойствами, снизились, наконец, с своей недостижимой высоты на степень *героев*, доступных людским страстям и житейским тревогам, и породили богатырские сказания, повествующие о их чудесных подвигах. Таковы все герои финской поэмы «Калевала» и греческие полубоги; таков наш Змей Горыныч, который в «былинах» является уже богатырем, хотя и сохраняет все атрибуты огненного змея (молниеносной тучи); таковы в народных сказках великаны и богатыри, удержавшие даже свои стихийные названия: Вихорь, Гром, Град. Эти сказочные герои усвоили себе то страшное могущество, какое принадлежит силам природы, и получили громадные, соответственные этому могуществу размеры; самое слово *богатырь* (от слова *бог* чрез прилагательное *богат*; сравни латинск. *deus, dives, divus* от корня *div* – блистать, светить, откуда и наши баснословные *дивы*) означает существо, наделенное высшими, божескими качествами. Трудные подвиги богатырей и их битвы с великанами и змиями суть только образные, поэтические изображения естественных явлений, так могущественно влияющих на производительность земли. Солнце, закрываемое темными тучами, в народных сказках представляется златокудрю девою неописанной красоты, похищаемую змием, который уносит ее в свои неприступные горы и ограждает крепкими затворами; освободителем красной дэвицы является богатырь, владетель чудодейственного меча-саморуба, то есть сам Перун, божество грозы и молнии: он проникает в мрачные подземелья, выпивает там всю сильную воду и поражает змия, или, говоря простым, обыкновенным языком, он разбивает тучи молнией, проливает на землю дождь и выводит из змиинных пещер деву-солнце. Другой ряд народных сказок в таких же пластических образах изображает годовое обращение этого светила. Невеста земля, в полном цвете и роскоши своих летних уборов, вдруг под влиянием чар злой колдуньи зимы превращается в камень и засыпает долгим, непробудным сном; во всем ее царстве жизнь приостанавливается и как бы застывает до тех пор, пока жаркий поцелуй молодого царевича – весеннего солнца не разбудит красавицы для любви и общей радости. Пробужденная невеста вступает в брак с светозарным царевичем, и земля начинает свои роды.

Позднее сказка, верная народной жизни, отразила в своих богатырских повестях черты из эпохи великой борьбы христианских идей с языческими; многие из древних преданий были подновлены, согласно с вновь возникшими взглядами и убеждениями, и некоторые эпические сказания получили легендарную обстановку, хотя, впрочем, из-за этих подновлений до сих пор еще сквозит дохристианская старина. Сильномогучие богатыри, победители сказочных великанов и многоглавых змиев в «былинах» уже сражаются против какого-то Идолища и неверных народов; на своих крепких плечах они выносят беспрестанные и беспощадные битвы с *погаными* азиатскими кочевниками и отстаивают независимость и государственные основы родной земли, тогда как великаны и змии выступают защитниками басурманства. Еще позднее – и народная сказка, свидетельствуя нам о некоторых чертах древнего новгородского быта¹, вводит читателя в мир действительных событий и чрез то сближает его с чисто историческим эпосом «Слова о полку», малороссийских дум и народных песен о Грозном, Петре Великом и других знаменитых деятелях.

¹ См. «Русские народные сказки» Сахарова.

Составляя вместе с «былинами» отрывки старинного эпоса, сказки уже по тому самому запечатлены прочным художественным достоинством. В доисторическую эпоху своего развития народ необходимо является поэтом. Обоотворяя природу, он видит в ней живое существо, отзывающееся на всякую радость и горе. Погруженный в созерцание ее торжественных явлений и таинственных сил, народ все свои убеждения, верования и наблюдения воплощает

в живые поэтические образы и высказывает в одной неумолкаемой поэме, отличающейся ровным и спокойным взглядом на весь мир.

Народные русские сказки проникнуты всеми особенностями эпической поэзии: тот же светлый и спокойный тон; то же неподражаемое искусство – живописать всякий предмет и всякое явление по впечатлению, ими производимому на душу человека; та же обрядность, высказывающаяся в повторении обычных эпитетов, выражений и целых описаний и сцен. Раз сказанное метко и обрисованное удачно и наглядно уже не переделывается, а как будто застывает в этой форме и постоянно повторяется там, где это признано будет необходимым по ходу сказочного действия. Оттого, несмотря на неподдельную красоту языка, народные сказки поражают однообразностью, тем более что и темы рассказов, и действующие лица, и чудесное в большей части подобных произведений повторяются с небольшими отступлениями.

Народ не выдумывал, он рассказывал только о том, чему верил, и потому даже в сказаниях своих о чудесном с верным художественным тактом остановился на повторениях, а не отважился дать своей фантазии произвол, легко переходящий должные границы и увлекающий в область странных, чудовищных представлений.

При всем однообразии, замечаемом в народных сказаниях, в них столько истинной поэзии и столько трогательных сцен! С какой поэтической простотой, например, передана в сказке встреча Федора Тугарина с Анастасией Прекрасною.

Поехал Федор странствовать. Едет, едет и на пути видит: лежат три рати силы побитые. «Кто здесь живой, – окликает странствующий герой, – скажи: кто побил эти рати?» В ответ ему слышится голос: «Поддай воды напиться». Подает Тугарин воды раненому и узнает от него, что победила все три рати Анастасия Прекрасная, а сама отдыхает теперь в шатре. Приехал Тугарин к шатру Анастасии Прекрасной, привязал своего коня, вошел в палатку, лег сбоку девицы и заснул. Анастасия Прекрасная проснулась прежде; разбудила незваного гостя и сказала: «А что – станем биться или мириться?» Отвечал ей Тугарин: «Коли наши кони станут биться, тогда и мы попробуем силы!» – и спустили они своих коней. Кони обнюхались, стали лизать друг друга и пошли дружно пастись вместе. Тогда Анастасия Прекрасная сказала Федору Тугарину: «Будь ты мне мужем, я тебе – женою!»

Как ото всех народных произведений, от сказок веет поэтической чистотою и искренностью; с детскою наивною и простотою, подчас грубою, они соединяют честную откровенность и свои повествования передают без всякой затаенной иронии и ложной чувствительности. Мы говорим о сказках древнейшего образования. В позднейшем своем развитии и сказка подчиняется новым требованиям, какие бывают порождены ходом дальнейшей жизни, является послушным орудием народного юмора и сатиры и утрачивает первоначальное простодушие (см. сказки о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове, о Шемякином суде и др.). Но всегда сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды; она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобою. Напечатанная нами сказка о правде и кривде задает практический вопрос: как лучше жить – правдою или кривдою? Здесь выведены два лица, из которых каждый держится противоположного мнения: правдивый и криводушный. Правдивый – терпелив, любит труд, без ропота подвергается несчастью, которое обрушилось на него по злобе криводушного, а впоследствии, когда выпадают на его долю и почести и богатство, он забывает обиду, какую причинил ему криводушный, вспоминает, что некогда они были товарищами, и готов помочь ему. Но чувство нравственное требует для своего успокоения полного торжества правды – и криводушный погибает жертвою собственных расчетов. На таком нравственном начале создавалась большая часть сказочных интриг.

Несчастье, бедность, сиротство постоянно возбуждают народное участие. Целый ряд сказок преследует нелюбовь и ненависть мачехи к падчерицам и пасынкам и излишнюю, зловредную привязанность ее к своим собственным детям. Этот тип мачехи, обрисованный народными

сказками, составляет одно из самых характерных указаний на особенности патриархального быта и вполне оправдывается и древним значением сиротства, и свадебными песнями о судьбе *молодой* среди чужой для нее семьи. Мачеха, по народным сказкам, завидует и красоте, и дарованиям, и успехам своих пасынков и падчериц, особенно если сравнение с этими последними ее собственных детей, безобразных и ленивых, заставляет ее внутренне сознаваться в том, чему так неохотно верит материнское сердце. Мачеха начинает преследовать бедных сирот, задает им трудные, невыполнимые работы, сердится, когда они удачно выполняют ее приказания, и всячески старается извести их, чтобы не иметь перед глазами постоянного и живого укора. Но несчастья только воспитывают в сиротах трудолюбие, терпение и глубокое чувство любви ко всем страждущим и сострадания ко всякому чужому горю. Это чувство любви и сострадания, так возвышающее нравственную сторону человека, не ограничивается тесными пределами людского мира, а обнимает собою всю разнообразную природу. Оно одинаково сказывается при виде раненой птицы, голодного зверя, выброшенной на берег морскою волною рыбы и больного дерева. Во всем этом много трогательного!.. Нравственная сила спасает сироту от всех козней; напротив, зависть и злоба мачехи подвергают ее наказанию, которое часто испытывает она на родных своих детях, испорченных ее слепую любовью и потому гордых, жестокосердных и мстительных.

С этой точки зрения особенно интересно представляется нам роль младшего из трех братьев, действующих в сказке. Большая часть народных сказок, следуя обычному эпическому приему, начинается тем, что у отца было три сына: два – умные, а третий – *дурень*. Старшие братья называются умными в том значении, какое придается этому слову на базаре житейской суеты, где всякий думает только о своих личных интересах, а младший – глупым в смысле отсутствия в нем этой практической мудрости: он простодушен, незлобив, сострадателен к чужим бедствиям до забвения собственной безопасности и всяких выгод. Согласно с этим слова *хитрый* и *злой* в областных говорах значит: ловкий, искусный, умный, острый². Народная сказка, однако, всегда на стороне нравственной правды, и по ее твердому убеждению выигрыш постоянно должен оставаться за простодушием, незлобием и сострадательностью меньшего брата. Очевидно, что эпическая поэзия истинно разумным признает одно добро, а зло хотя и слывет таковым между людьми, но вводит своих поклонников в безвыходные ошибки и нередко подвергает их неизбежной гибели: следовательно, оно то и есть истинно неразумное. В сказке «Норка зверь» три брата отправляются искать этого чудного зверя; им предстоят многие опасности. Старшие братья обнаруживают при этом всю слабость духа и отстраняют от себя трудный подвиг, но когда третий брат смелостью преодолевает все опасности – они замышляют завладеть добытым им счастьем и посягают на самую жизнь этого добродушного дурня. На возвратном пути из стран подземного мира он готов был уже подняться на Русь по нарочно опущенному канату, но братья обрезают канат и лишают его последней надежды возвратиться когда-нибудь в родную семью. В такой беде его спасает то высокое чувство любви, которое не допускает в сердце бедняка ни малейшего ожесточения даже после столь горестного обмана. Оставленный в подземном царстве, младший брат заплакал и пошел дальше. Поднялась буря, заблестала молния, загремел гром, и полился дождь. Он подошел к дереву с надеждою укрыться под его ветвями от непогоды; смотрит, а на том дереве сидят в гнезде маленькие птички и совсем измокли от дождя. Сострадательный дурень снял с себя одежду и накрыл птичек. Вот прилетела на дерево птица, да такая огромная, что затмила собой дневной свет, и как увидела своих детей накрытыми – спросила: «Кто накрыл моих птишек? Это – ты! Спасибо тебе: проси от меня, чего хочешь!» – и по просьбе бедняка выносит его на своих могучих крыльях на Русь.

² «Отечественные записки», 1852 г., Критика. Ноябрь, с. 16.

Таково в немногих словах значение народной сказки. Нет сомнения, что в ней найдется многое, что не может удовлетворить нашим образованным требованиям и взглядам на природу, жизнь и поэзию. Но если в зрелых годах мы любим останавливать свой взор на детских играх и забавах и если при этом невольно пробуждаются в нас те чистейшие побуждения, какие давно были подавлены под бременем вседневных забот, то не с той ли теплою любовью и не с теми ль освежающими душу чувствами может образованный человек останавливать свое внимание на этой поэтической чистоте и детском простодушии народных произведений?

А.Н. Афанасьев

Сказки

Лисичка-сестричка и волк

Жили себе дед да баба. Дед говорит бабе:

«Ты, баба, пеки пироги, а я поеду за рыбой». Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе как мертвая. «Вот будет подарок жене», – сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Пovyбросала всю рыбу и сама ушла.

«Ну, старуха, – говорит дед, – какой воротник привез я тебе на шубу». – «Где?» – «Там, на возу, – и рыба и воротник». Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: «Ах ты, старый хрен! Такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!» Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая; погоревал, погоревал, да делать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дороге рыбу в кучку, села и ест себе. Навстречу ей идет волк: «Здравствуй, кумушка!» – «Здравствуй, куманек!» – «Дай мне рыбки!» – «Налови сам, да и ешь». – «Я не умею». – «Эка, ведь я же наловила; ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в прорубь – рыба сама на хвост нацепляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь».

Волк пошел на реку, опустил хвост в прорубь; дело-то было зимою. Уж он сидел, сидел, целую ночь просидел, хвост его и приморозило; попробовал было приподняться: не тут-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не выгатишь!» – думает он. Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого: «Волк, волк! Бейте его! Бейте его!» Прибежали и начали колотить волка – кто коромыслом, кто ведром, чем кто попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать. «Хорошо же, – думает, – уж я тебе отплачу, кумушка!» А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу: «Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!» – «Эх, куманек, – говорит лисичка-сестричка, – у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь». – «И то правда, – говорит волк, – где тебе, кумушка, уж идти; садись на меня, я тебя довезу». Лисичка села ему на спину, он ее и понес. Вот лисичка-сестричка сидит, да потихоньку и говорит: «Битый небитого везет, битый небитого везет». – «Что ты, кумушка, говоришь?» – «Я, куманек, говорю: битый битого везет». – «Так, кумушка, так!» «Давай, куманек, построим себе хатки». – «Давай, кумушка!» – «Я себе построю лубяную, а ты себе ледяную».

Принялись за работу, сделали себе хатки: лисичке – лубяную, а волку – ледяную, и живут в них. Пришла весна, волчья хатка и растаяла. «А, кумушка! – говорит волк. – Ты меня опять обманула, надо тебя за это съесть». – «Пойдем, куманек, еще поконаемся, кому-то кого достанется есть». Вот лисичка-сестричка привела его в лес к глубокой яме и говорит: «Прыгай! Если ты перепрыгнешь через яму – тебе меня есть, а не перепрыгнешь – мне тебя есть». Волк прыгнул и попал в яму. «Ну, – говорит лисичка, – сиди же тут!» – и сама ушла.

Идет она, несет скалочку в лапках и просится к мужичку в избу: «Пусти лисичку-сестричку переночевать». – «У нас и без тебя тесно». – «Я не потесню вас; сама ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а после спрашивает: «Где же моя скалочка? Я за нее и гусочку не возьму!» Мужик – делать нечего – отдал ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идет и поет:

*Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку – гусочку!*

Стук, стук, стук! – стучится она в избу к другому мужику. «Кто там?» – «Я – лисичка-сестричка, пустите переночевать». – «У нас и без тебя тесно». – «Я не потесню вас; сама ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку. Рано утром она вскочила, схватила гусочку, ощипала ее, съела и говорит: «Где же моя гусочка? Я за нее индюшечку не возьму!» Мужик – делать нечего – отдал ей за гусочку индюшечку; взяла лисичка индюшечку, идет и поет:

*Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку – гусочку,
За гусочку – индюшечку!*

Стук, стук, стук! – стучится она в избу к третьему мужику. «Кто там?» – «Я – лисичка-сестричка, пустите переночевать». «У нас и без тебя тесно». – «Я не потесню вас; сама ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку». Ее пустили. Вот она легла на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку. Рано утром лисичка вскочила, схватила индюшечку, ощипала ее, съела и говорит: «Где же моя индюшечка? Я за нее не возьму и невесточку!» Мужик – делать нечего – отдал ей за индюшечку невесточку; лисичка посадила ее в мешок, идет и поет:

*Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку – гусочку,
За гусочку – индюшечку,
За индюшечку – невесточку!*

Стук, стук, стук! – стучится она в избу к четвертому мужику. «Кто там?» – «Я – лисичка-сестричка, пустите переночевать». – «У нас и без тебя тесно». – «Я не потесню вас; сама ляжу на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку». Ее пустили. Она легла на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку. Мужик потихоньку выпустил из мешка невесточку, а впихал туда собаку. Вот поутру лисичка-сестричка собралась в дорогу, взяла мешок, идет и говорит:

«Невесточка, пой песни!», а собака как зарычит. Лисичка испугалась, как шваркнет мешок с собакою да бежать.

Вот бежит лисичка и видит: на воротах сидит петушок. Она ему и говорит: «Петушок, петушок! Слезь сюда, я тебя исповедаю: у тебя семьдесят жен, ты всегда грешон». Петух слез; она хватъ его и скушала.

Старая хлеб-соль забывается

Попался было бирюк в капкан, да кое-как вырвался и стал пробираться в глухую сторону. Завидели его охотники и стали следить.

Пришлось бирюку бежать через дорогу, а на ту пору шел по дороге с поля мужик с мешком и цепом. Бирюк к нему: «Сделай милость, мужичок, схорони меня в мешок! За мной охотники гонятся». Мужик согласился, запрятал его в мешок, завязал и взвалил на плечи. Идет дальше, а навстречу ему охотники. «Не видал ли, мужичок, бирюка?» – спрашивают они.

«Нет, не видал!» – отвечает мужик.

Охотники поскакали вперед и скрылись из виду. «Что, ушли мои злодеи?» – спросил бирюк. – «Ушли». – «Ну, теперь выпусти меня на волю». Мужик развязал мешок и выпустил его на вольный свет. Бирюк сказал: «А что, мужик, я тебя съем!» – «Ах, бирюк, бирюк! Я тебя из какой неволи выручил, а ты меня съест хочешь!» – «Старая хлеб-соль забывается», – отвечал бирюк. Мужик видит, что дело-то плохо, и говорит: «Ну, коли так, пойдем дальше, и если первый, кто с нами встретится, скажет по-твоему, что старая хлеб-соль забывается, тогда делать нечего – съешь меня!»

Пошли они дальше. Повстречалась им старая кобыла. Мужик к ней с вопросом: «Сделай милость, кобылушка-матушка, рассуди нас! Вот я бирюка из большой неволи выручил, а он хочет меня съест!» – и рассказал ей все, что было. Кобыла подумала-подумала и сказала: «Я жила у хозяина двенадцать лет, принесла ему двенадцать жеребят, изо всех сил на него работала, а как стала стара и пришло мне немоту работать – он взял да и стащил меня под яр; уж я лезла, лезла, насилиу вылезла, и теперь вот плетусь, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!» – «Видишь, моя правда!» – молвил бирюк.

Мужик опечалился и стал просить бирюка, чтоб подождал до другой встречи. Бирюк согласился и на это. Повстречалась им старая собака. Мужик к ней с тем же вопросом. Собака подумала-подумала и сказала: «Служила я хозяину двадцать лет, оберегала его дом и скотину, а как состарилась и перестала брехать, – он прогнал меня со двора, и вот плетусь я, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!» – «Ну, видишь, моя правда!» Мужик еще пуще опечалился и упрямил бирюка обождать до третьей встречи: «А там делай как знаешь, коли хлеба-соли моей не попомнишь».

В третий раз повстречалась им лиса. Мужик повторил ей свой вопрос. Лиса стала спорить: «Да как это можно, чтобы бирюк, этакая большая туша, мог поместиться в таком малом мешке?» И бирюк и мужик побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не верила и сказала: «А ну-ка, мужичок, покажь, как ты сажал его в мешок-то!» Мужик расставил мешок, а бирюк всунул туда голову. Лиса закричала: «Да разве ты одну голову прятал в мешок?» Бирюк влез совсем. «Ну-ка, мужичок, – продолжала лиса, – покажи, как ты его завязывал?» Мужик завязал. «Ну-ка, мужичок, как ты в поле хлеб-то молотил?» Мужик начал молотить цепом по мешку. «Ну-ка, мужичок, как ты отворачивал?» Мужик стал отворачивать да задел лису по голове и убил ее до смерти, приговаривая: «Старая хлеб-соль забывается!»

Лиса-плачя

Жил-был старик со старухой, была у них дочка. Раз ела она бобы и уронила один наземь. Боб рос, рос и вырос до неба. Старик полез на небо; взлез туда, ходил-ходил, любовался-любовался и говорит себе: «Дай принесу сюда старуху; то-то она обрадуется!» Слез наземь – посадил старуху в мешок, взял мешок в зубы и полез опять наверх; лез, лез, устал, да и выронил мешок. Спустился поскорее, открыл мешок, смотрит – лежит старуха, зубы ощерила, глаза вытаращила.

Он и говорил: «Что ты, старуха, смеешься? Что зубы-то оскалила?» – да как увидел, что она мертвая, так и залился слезами.

Жили они одни-одинехоньки, среди пустыря; некому и поплакать-то по старухе. Вот старик взял мешок с тремя парами беленьких курочек и пошел искать плачеи. Видит – идет медведь, он и говорит: «Поплачь-ка, медведь, по моей старухе! Я дам тебе две беленьких курочки». Медведь заревел: «Ах ты, моя родимая бабушка! Как тебя жалко». – «Нет, – говорит старик, – ты не умеешь плакать». И пошел дальше. Шел, шел и повстречал волка; заставил его причитать, – и волк не умеет.

Пошел еще и повстречал лису, заставил ее причитать за пару беленьких курочек. Она и запела: «Туру-туру, бабушка! Убил тебя дедушка». Мужику понравилась песня, он заставил лису петь в другой, третий и четвертый раз; хватать, а четвертой пары курочек и недостает. Старик говорит: «Лиса, лиса! Я четвертую пару дома забыл; пойдем ко мне». Лиса пошла за ним следом. Вот пришли домой; старик взял мешок, положил туда пару собак, а сверху заложил лисонькиными шестью курочками и отдал ей. Лиса взяла и побежала; немного погодя остано-

вилась около пня и говорит: «Сяду на пенек, съем белую курочку». Съела и побежала вперед; потом еще на пенек села и другую курочку съела, затем третью, четвертую, пятую и шестую. А в седьмой раз открыла мешок, собаки на нее и выскочили.

Лиса ну бежать, бежала, бежала и спряталась под колоду, спряталась и начала спрашивать: «Ушки, ушки! Что вы делали?» – «Мы слушали да слушали, чтоб собаки лисоньку не скушали». – «Глазки, глазки! Что вы делали?» – «Мы смотрели да смотрели, чтоб собаки лисоньку не съели». – «Ножки, ножки! Что вы делали?» – «Мы бежали да бежали, чтоб собаки лисоньку не поймали». – «А ты, хвостище, что делал?» – «Я по пням, по кустам, по колодам зацеплял, чтоб собаки лисоньку поймали да разорвали». – «А, ты такой! Так вот же, нате, собаки, ешьте мой хвост!» – и высунула хвост, а собаки схватили за хвост и самое лисицу вытащили и разорвали.

Мужик, медведь и лиса

Пахал мужик ниву, пришел к нему медведь и говорит ему: «Мужик, я тебя сломаю!» – «Нет, не замай (не трогай); я вот сею репу, себе возьму хоть корешки, а тебе отдам вершки». – «Быть так, – сказал медведь, – а коли обманешь – так в лес по дрова ко мне хоть не езд!» Сказал и ушел в дуброву. Пришло время: мужик репу копает, а медведь из дубровы вылезает. «Ну, мужик, давай делить!» – «Ладно, медведюшка! Давай я привезу тебе вершки», – и отвез ему воз ботвы.

Медведь остался доволен честным разделом. Вот мужик наклал свою репу на воз и повез в город продавать, а навстречу ему медведь: «Мужик, куда ты едешь?» – «А вот, медведюшка, еду в город корешки продавать». – «Дай-ка попробоваться, каков корешок!» Мужик дал ему репу. Медведь как съел – «а-а, – заревел, – ты меня обманул, мужик! Корешки твои сладеньки. Теперь не езжай ко мне по дрова, а то задеру!» Мужик воротился из города и боится ехать в лес; пожег и полочки, и лавочки, и кадочки, наконец делать нечего – надо в лес ехать.

Въезжает потихонечку; откуда ни возьмись бежит лисица. «Что ты, мужичок, – спрашивает она, – так тихо бредешь?» – «Боюсь медведя, сердит на меня, обещал задрать». – «Небось медведя, руби дрова, а я стану порскать; коли спросит медведь: что такое? скажи: ловят волков и медведей».

Мужик принялся рубить; глядь – ан медведь бежит и мужику кричит: «Эй, старик! Что это за крик?»

Мужик говорит: «Волков ловят да медведей». – «Ох, мужичок, положи меня в сани, закидай дровами да увяжи веревкой; авось подумают, что колода лежит». Мужик положил его в сани, увязал веревкою и давай обухом гвоздить его в голову, пока медведь совсем окочурился.

Прибежала лиса и говорит: «Где медведь?» – «А вот, околел!» – «Ну что ж, мужичок, теперь нужно меня угостить». – «Изволь, лисонька! Поедем ко мне, я тебя угощу».

Мужик едет, а лиса вперед бежит; стал мужик подъезжать к дому, свистнул своим собакам и притравил лисицу.

Лиса пустилась к лесу и юрк в нору; спряталась в норе и спрашивает: «Ох вы, мои глазоньки, что вы смотрели, когда я бежала?» – «Ох, лисонька, мы смотрели, чтоб ты не спотыкнулась». – «А вы, ушки, что делали?» – «А мы всё слушали, далеко ли псы гонят». – «А ты, хвост, что делал?» – «Я-то, – сказал хвост, – все мотался под ногами, чтоб ты запуталась, да упала, да к собакам в зубы попала». – «А-а, каналья! Так пусть же тебя собаки едят». И, высунув из норы свой хвост, лиса закричала: «Ешьте, собаки, лисий хвост!»

Собаки за хвост потащили и лисицу закамшили. Так часто бывает: от хвоста и голова пропадает.

Волк-дурень

Дело было в старину, когда еще Христос ходил по земле вместе с апостолами. Раз идут они дорогою, идут широкою; попадается навстречу волк и говорит: «Господи! Мне есть хочется!» – «Поди, – сказал ему Христос, – съешь кобылу». Волк побежал искать кобылу: увидел ее, подходит и говорит: «Кобыла! Господь велел тебя съест». Она отвечает: «Ну, нет! Меня не съешь, не позволено; у меня на то есть вид, только далеко забит». – «Ну покажи!» – «Подойди поближе к задним ногам». Волк подошел; она как треснет его по зубам задними копытами, ажно волк на три сажени назад отлетел! А кобыла убежала.

Пошел волк с жалобой; приходит ко Христу и говорит: «Господи! Кобыла чуть-чуть не убила меня до смерти!» – «Ступай, съешь барана». Волк побежал к барану; прибежал и говорит: «Баран, я тебя съем, Господь приказал». – «Пожалуй, съешь! Да ты стань под горою да разинь свою пасть, а я стану на горе, разбежусь, так прямо к тебе в рот и вскочу!»

Волк стал под горою и разинул пасть; а баран как разбежится с горы да как ударит его своим бараньим лбом: бац! Сшиб волка с ног, да сам и ушел. Волк встал, глядит на все стороны: нет барана!

Опять отправился с жалобой; приходит ко Христу и говорит: «Господи! И баран меня обманул; чуть-чуть совсем не убил!» – «Поди, – сказал Христос, – съешь портного». Побежал волк; попадаетея ему навстречу портной. «Портной, я тебя съем, Господь приказал». – «Погоди, дай хоть с родными проститься». – «Нет, и с родными не дам проститься». – «Ну, что делать! Так и быть, съешь. Дай только я тебя смеряю: влезу ли еще в тебя-то?» – «Смеряй!» – говорит волк. Портной зашел сзади, схватил волка за хвост, завил хвост за руку и давай серого

утюжить. Волк бился-бился, рвался-рвался, оторвал хвост да давай Бог ноги! Бежит что есть силы, а навстречу ему семь волков. «Постой! – говорят. – Что ты, серый, без хвоста?» – «Портной оторвал». – «Где портной?» – «Вон идет по дороге». – «Давай нагонять его», – и пустились за портным. Портной услышал погоню, видит, что дело плохо, взобрался поскорей на дерево, на самый верх, и сидит.

Вот волки прибежали и говорят: «Станем, братцы, доставать портного; ты, кургузый, ложись под испод, а мы на тебя, да друг на дружку устави́мся – авось достанем!» Кургузый лег наземь, на него стал волк, на того другой, на другого третий, все выше и выше; уж последний взлезает. Видит портной беду неминуемую: вот-вот достанут! И закричал сверху: «Ну, уж никому так не достанется, как кургузому». Кургузый как выскочит из-под низу да бежать! Все семеро волков попадали наземь да за ним вдогонку; нагнали и ну его рвать, только клочья летят. А портной слез с дерева и пошел домой.

Золотая рыбка

На море на океане, на острове на Буяне стояла небольшая ветхая избушка; в той избушке жили старик да старуха. Жили они в великой бедности; старик сделал сеть и стал ходить на море да ловить рыбу: тем только и добывал себе дневное пропитание. Раз как-то закинул старик свою сеть, начал тянуть, и показалось ему так тяжело, как доселева никогда не бывало: еле-еле вытянул. Смотрит, а сеть пуста; всего-навсего одна рыбка попалась, зато рыбка не простая – золотая.

Возмолилась ему рыбка человеческим голосом: «Не бери меня, старичок! Пусти лучше в сине море; я тебе сама пригожусь: что пожелаешь, то и сделаю». Старик подумал-подумал и говорит: «Мне ничего от тебя не надобно: ступай гуляй в море!»

Бросил золотую рыбку в воду и воротился домой. Спрашивает его старуха: «Много ли поймал, старик?» – «Да всего-навсего одну золотую рыбку, и ту бросил в море; крепко она возмолилась: отпусти, говорила, в сине море; я тебе в пригону стану; что пожелаешь, все сделаю! Пожалел я рыбку, не взял с нее выкупа, даром на волю пустил». – «Ах ты, старый черт! Попалось тебе в руки большое счастье, а ты и владать не сумел».

Озлилась старуха, ругает старика с утра до вечера, не дает ему покоя: «Хоть бы хлеба у ней выпросил! Ведь скоро сухой корки не будет; что жрать-то станешь?» Не выдержал старик, пошел к золотой рыбке за хлебом; пришел на море и крикнул громким голосом: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Рыбка приплыла к берегу: «Что тебе, старик, надо?» – «Старуха осерчала, за хлебом прислала». – «Ступай домой, будет у вас хлеба вдоволь». Воротился старик: «Ну что, старуха, есть хлеб?» – «Хлеба-то вдоволь; да вот беда: корыто раскололось, не в чем белье мыть; ступай к золотой рыбке, попроси, чтоб новое дала».

Пошел старик на море: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Приплыла золотая рыбка: «Что тебе надо, старик?» – «Старуха прислала, новое корыто просит». – «Хорошо, будет у вас и корыто». Воротился старик, – только в дверь, а старуха опять на него накинулась. «Ступай, – говорит, – к золотой рыбке, попроси, чтоб новую избу построила; в нашей жить нельзя, того и смотри что развалится!» Пошел старик на море: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Рыбка приплыла, стала к нему головой, в море хвостом и спрашивает: «Что тебе, старик, надо?» – «Построй нам новую избу; старуха ругается, не дает мне покою; не хочу, говорит, жить в старой избушке: она того и смотри вся развалится!» – «Не тужи, старик! Ступай домой да молись Богу, все будет сделано».

Воротился старик – на его дворе стоит изба новая, дубовая, с вырезными узорами. Выбегает к нему навстречу старуха, пуще прежнего сердится, пуще прежнего ругается: «Ах ты, старый пес! Не умеешь ты счастьем пользоваться. Выпросил избу и, чай, думаешь – дело сделал! Нет, ступай-ка опять к золотой рыбке да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтоб меня добрые люди слушались, при встречах в пояс кланялись». Пошел старик на море, говорит громким голосом: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Приплыла рыбка, стала в море хвостом, к нему головой: «Что тебе, старик, надо?» Отвечает старик: «Не дает мне старуха покою, совсем вздурилась: не хочет быть крестьянкою, хочет быть воеводихой». – «Хорошо, не тужи! Ступай домой да молись Богу, все будет сделано».

Воротился старик, а вместо избы каменный дом стоит, в три этажа выстроен; по двору прислуга бегаёт, на кухне повара стучат, а старуха в дорогом парчовом платье на высоких креслах сидит да приказы отдаёт. «Здравствуй, жена!» – говорит старик. «Ах ты, невежа этакой! Как смел обозвать меня, воеводику, свою женою? Эй, люди! Взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетьюми как можно больнее». Тотчас прибежала прислуга, схватила старика за шиворот и потащила в конюшню; начали конюхи угощать его плетьюми, да так угостили, что еле на

ноги поднялся. После того старуха поставила старика дворником; велела дать ему метлу, чтоб двор убирал, а кормить и поить его на кухне. Плохое житье старику: целый день двор убирай, а чуть где нечисто – сейчас на конюшню! «Экая ведьма! – думает старик. – Далось ей счастье, а она как свинья зарылась, уж и за мужа меня не считает!»

Ни много, ни мало прошло времени, придокучило старухе быть воеводихой, потребовала к себе старика и приказывает: «Ступай, старый черт, к золотой рыбке, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею». Пошел старик на море: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Приплыла золотая рыбка: «Что тебе, старик, надо?» – «Да что, вздурилась моя старуха пуще прежнего: не хочет быть воеводихой, хочет быть царицею». – «Не тужи! Ступай домой да молись Богу, все будет сделано». Воротился старик, а вместо прежнего дома высокий дворец стоит под золотою крышею; кругом часовые ходят да ружьями выкидывают; позади большой сад раскинулся, а перед самым дворцом – зеленый луг; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балкон с генералами да с боярами и начала делать тем войскам смотр и развод: барабаны бьют, музыка гремит, солдаты «ура» кричат!

Ни много, ни мало прошло времени, придокучило старухе быть царицею, велела разыскать старика и представить пред свои очи светлые. Поднялась суматоха, генералы суетятся, бояре бегают: «Какой-такой старик?» Насилу нашли его на заднем дворе, повели к царице. «Слушай, старый черт! – говорит ему старуха. – Ступай к золотой рыбке да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы все моря и все рыбы меня слушались». Старик было отнекиваться; куда тебе! коли не пойдешь – голова долой! Скрепя сердце пошел старик на море, пришел и говорит: «Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой». Золотой рыбки нет как нет! Зовет старик в другой раз – опять нету! Зовет в третий раз – вдруг море зашумело, взволновалось; то было светлое, чистое, а тут совсем почернело. Приплывает рыбка к берегу: «Что тебе, старик, надо?» – «Старуха еще пуще вздурилась; уж не хочет быть царицею, хочет быть морскою владычицей, над всеми водами властвовать, над всеми рыбами повелевать».

Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла в глубину моря. Старик воротился назад, смотрит и глазам не верит: избушка, а в избушке сидит старуха в изодранном сарафане. Начали они жить по-прежнему, старик опять принялся за рыбную ловлю; только как часто ни закидывал сетей в море, не удалось больше поймать золотой рыбки.

Гуси-лебеди

Жили старичок со старушкой; у них была дочка да сынок маленький. «Дочка, дочка! – говорила мать. – Мы пойдем на работу, принесем тебе булочку, сошьем платице, купим платочек; будь умна, береги братца, не ходи со двора». Старшие ушли, а дочка забыла, что ей приказывали; посадила братца на травке под окошком, а сама побежала на улицу, заигралась, загулялась. Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылышках.

Пришла девочка, глядь – братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда – нету! Кликала, заливалась слезами, причитывала, что худо будет от отца и матери, – братец не откликнулся! Выбежала в чистое поле; метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом. Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шkodили и маленьких детей крадывали; девочка угадала, что они унесли ее братца, бросилась их догонять. Бежала, бежала, стоит печка. «Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?» – «Съешь моего ржаного пирожка, скажу». – «О, у моего батюшки пшеничные не едятся!» Печь не сказала. Побежала дальше, стоит яблонь. «Яблонь, яблонь, скажи, куда гуси полетели?» – «Съешь моего лесного яблока, скажу». – «О, у моего батюшки и садовые не едятся!» Побежала дальше, стоит молочная речка, кисельные берега. «Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели?» – «Съешь моего простого киселика с молоком, скажу». – «О, у моего батюшки и сливочки не едятся!»

И долго бы ей бегать по полям да бродить по лесу, да, к счастью, попался еж; хотела она его толкнуть, побоялась наколоться и спрашивает: «Ежик, ежик, не видал ли, куда гуси полетели?» – «Вон туда-то!» – указал. Побежала – стоит избушка на куриных ножках, стоит-поворачивается. В избушке сидит баба-яга, морда жилиная, нога глиняная; сидит и братец на лавочке, играет золотыми яблочками. Увидела его сестра, подкралась, схватила и унесла; а гуси за нею в погону летят; нагонят злодеи, куда деваться? Бежит молочная речка, кисельные берега.

«Речка-матушка, спрячь меня!» – «Съешь моего киселика!» Нечего делать, съела. Речка ее посадила под бережок, гуси пролетели. Вышла она, сказала: «Спасибо!» и опять бежит с братцем; а гуси воротились, летят навстречу. Что делать? Беда! Стоит яблонь. «Яблонь, яблонь-матушка, спрячь меня!» – «Съешь мое лесное яблочко!» Поскорей съела. Яблонь ее заслонила веточками, прикрыла листиками; гуси пролетели. Вышла и опять бежит с братцем, а гуси увидели – да за ней; совсем налетают, уж крыльями бьют, того и гляди – из рук вырвут! К счастью, на дороге печка. «Сударыня печка, спрячь меня!» – «Съешь моего ржаного пирожка!» Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь, села в устье. Гуси полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели. А она прибежала домой, да хорошо еще, что успела прибежать, а тут и отец и мать пришли.

Три царства – медное, серебряное и золотое

В некотором царстве, в некотором государстве был-жил царь Бел Белянин; у него была жена Настасья золотая коса и три сына: Петр-царевич, Василий-царевич и Иван-царевич. Пошла царица со своими мамушками и нянюшками прогуляться по саду. Вдруг поднялся сильный вихрь что и Боже мой! Схватил царицу и унес неведомо куда. Царь запечалился-закручинился и не ведает, как ему быть. Подросли царевичи, он и говорит им: «Дети мои любезные! Кто из вас поедет – мать свою отыщет?»

Собрались два старшие сына и поехали; а за ними и младший стал у отца проситься. «Нет, – говорит царь, – ты, сынок, не езд! Не покидай меня одного, старика». – «Позволь, батюшка! Страх как хочется по белу свету постранствовать да матушку отыскать». Царь отговаривал, отговаривал, не мог отговорить: «Ну, делать нечего, ступай; Бог с тобой!»

Иван-царевич оседлал своего доброго коня и пустился в дорогу. Ехал, ехал, долго ли, коротко ли; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; приезжает к лесу. В том лесу богатейший дворец стоит. Иван-царевич въехал на широкий двор, увидел старика и говорит: «Много лет здравствовать, старичок!» – «Милости просим! Кто таков, добрый молодец?» – «Я Иван-царевич, сын царя Бела Белянина и царицы Настасьи золотой косы». – «Ах, племянник родной! Куда тебя Бог несет?» – «Да так и так, – говорит, – еду отыскивать свою матушку. Не можешь ли ты сказать, дядюшка, где найти ее?» – «Нет, племянник, не знаю. Чем могу, тем и послужу тебе; вот тебе шарик, брось его перед собою; он покатится и приведет тебя к крутым, высоким горам. В тех горах есть пещера, войди в нее, возьми железные когти, надень на руки и на ноги и полезай на гору; авось там найдешь свою мать Настасью золотую косу».

Вот хорошо. Иван-царевич попрощался с дядею и пустил перед собою шарик; шарик катится, катится, а он за ним едет. Долго ли, коротко ли – видит: братья его Петр-царевич и Василий-царевич стоят в чистом поле лагерем и множество войска с ними. Братья его встретили: «Ба! Куда ты, Иван-царевич?» – «Да что, – говорит, – соскучился дома и задумал ехать отыскивать матушку. Отпустите войско домой да поедemте вместе». Они так и сделали; отпустили войско и поехали втроем за шариком. Издали еще завидели горы – такие крутые, высокие, что и Боже мой! верхушками в небо уперлись. Шарик прямо к пещере прикатился; Иван-царевич слез с коня и говорит братьям: «Вот вам, братцы, мой добрый конь; я пойду на горы матушку отыскивать, а вы здесь оставайтесь; дождитесь меня ровно три месяца, а не буду через три месяца – и ждать нечего!» Братья думают: «Как на эти горы влезать, да тут и голову поломать!» «Ну, – говорят, – ступай с Богом, а мы здесь подождем».

Иван-царевич подошел к пещере, видит – дверь железная, толкнул со всего размаху – дверь отворилась; вошел туда – железные когти ему на руки и на ноги сами наделись. Начал на горы взбираться, лез, лез, целый месяц трудился, насилиу наверх взобрался. «Ну, – говорит, – слава Богу!» Отдохнул немного и пошел по горам; шел-шел, шел-шел, смотрит – медный дворец стоит, у ворот страшные змеи на медных цепях прикованы, так и кишат! А подле колодезь, у колодезя медный корец на медной цепочке висит. Иван-царевич взял почерпнул корцом воды, напоил змей; они присмирели, прилегли, он и прошел во дворец.

Выскакивает к нему медного царства царица: «Кто таков, добрый молодец?» – «Я Иван-царевич». – «Что, – спрашивает, – своей охотой али неволей зашел сюда, Иван-царевич?» – «Своей охотой; ищу мать свою Настасью золотую косу. Какой-то Вихрь ее из саду похитил. Не знаешь ли, где она?» – «Нет, не знаю; а вот недалеко отсюда живет моя середняя сестра, серебряного царства царица; может, она тебе скажет». Дала ему медный шарик и медное колечко. «Шарик, – говорит, – доведет тебя до средней сестры, а в этом колечке все медное царство состоит. Когда победишь Вихря, который и меня здесь держит и летает ко мне чрез каждый три месяца, то не забудь меня бедной – освободи отсюда и возьми с собою на вольный свет». – «Хорошо», – отвечал Иван-царевич, взял бросил медный шарик – шарик покатился, а царевич за ним пошел.

Приходит в серебряное царство и видит – дворец лучше прежнего – весь серебряный; у ворот страшные змеи на серебряных цепях прикованы, а подле колодезь с серебряным корцом. Иван-царевич почерпнул воды, напоил змей – они улеглись и пропустили его во дворец. Выходит царица серебряного царства. «Уж скоро три года, – говорит, – как держит меня здесь могучий Вихрь; я русского духу слыхом не слыхала, видом не видала, а теперь русский дух воочью совершается.

Кто таков, добрый молодец?» – «Я Иван-царевич». – «Как же ты сюда попал – своею охотою али неволею?» – «Своею охотою, ищу свою матушку; пошла она в зеленом саду погулять, как поднялся Вихрь и умчал ее неведомо куда. Не знаешь ли, где найти ее?» – «Нет, не знаю; а живет здесь недалечко старшая сестра моя, золотого царства царица, Елена Прекрасная; может, она тебе скажет. Вот тебе серебряный шарик, покати его перед собою и ступай за ним следом; он тебя доведет до золотого царства. Да смотри, как убьешь Вихря – не забудь меня бедной; вызволь отсюда и возьми с собою на вольный свет; держит меня Вихрь в заключении и летает ко мне через каждые два месяца». Тут подала ему серебряное колечко: «В этом колечке все серебряное царство состоит!» Иван-царевич покатил шарик: куда шарик покатился, туда и он направился.

Долго ли, коротко ли, увидал – золотой дворец стоит, как жар горит; у ворот кишат страшные змеи – на золотых цепях прикованы, а возле колодезь, у колодезя золотой корец на золотой цепочке висит. Иван-царевич почерпнул корцом воды и напоил змей; они улеглись, присмирели. Входит царевич во дворец; встречает его Елена Прекрасная: «Кто таков, добрый молодец?» – «Я Иван-царевич». – «Как же ты сюда зашел – своей ли охотою али неволею?» – «Зашел я охотою; ищу свою матушку Настасью золотую косу. Не ведаешь ли, где найти ее?» – «Как не ведать! Она живет недалеко отсюда, и летает к ней Вихрь раз в неделю, а ко мне раз в месяц.

Вот тебе золотой шарик, покати перед собою и ступай за ним следом – он доведет тебя куда надобно; да вот еще возьми золотое колечко – в этом колечке все золотое царство состоит! Смотри же, царевич: как победишь ты Вихря, не забудь меня бедной, возьми с собой на вольный свет». – «Хорошо, – говорит, – возьму!»

Иван-царевич покатил шарик и пошел за ним: шел, шел, и приходит к такому дворцу, что и Господи Боже мой! – так и горит в бриллиантах и самоцветных камнях. У ворот шипят шестиглавые змеи; Иван-царевич напоил их, змеи присмирели и пропустили его во дворец. Проходит царевич большими покоями и в самом дальнем находит свою матушку: сидит она на высоком троне, в царские наряды убрана, драгоценной короной увенчана. Глянула на гостя и вскрикнула: «Ах, Боже мой! Ты ли, сын мой возлюбленный? Как сюда попал?» – «Так и так, – говорит, – за тобой пришел». – «Ну, сынок, трудно тебе будет! Ведь здесь на горах царствует злой, могучий Вихрь, и все духи ему повинуются; он-то и меня унес. Тебе с ним бороться надо! Пойдем поскорей в погреб».

Вот сошли они в погреб. Там стоят две кади с водою: одна на правой руке, другая на левой. Говорит царица Настасья золотая коса: «Испей-ка водицы, что направо стоит». Иван-царевич испил. «Ну что, сколько в тебе силы?» – «Да так силен, что весь дворец одной рукой поверну». – «А ну, испей еще». Царевич еще испил. «Сколько теперь в тебе силы?» – «Теперь захочу – весь свет поворочу». – «Ох, уж это дуже много! Переставь-ка эти кади с места на место: ту, что стоит направо, отнеси на левую руку, а ту, что налево, отнеси на правую руку». Иван-царевич взял кади и переставил с места на место. «Вот видишь ли, любезный сын: в одной кади – сильная вода, в другой – бессильная; кто первой напьется – будет сильномогучим богатырем, а кто второй изопьет – совсем ослабнет. Вихрь пьет всегда сильную воду и становится ее по правую сторону; так надо его обмануть, а то с ним никак не сладить!»

Воротились во дворец. «Скоро Вихрь прилетит, – говорит царица Ивану-царевичу. – Садись ко мне под порфиру, чтоб он тебя не увидел. А как Вихрь прилетит да кинется меня обнимать-целовать, ты и схвати его за палицу. Он высоко-высоко поднимется, будет носить

тебя и над морями и над пропастями, ты смотри не выпускай из рук палицы. Вихрь уморится, захочет испить сильной воды, спустится в погреб и бросится к кади, что на правой руке поставлена; а ты пей из кади на левой руке. Тут он совсем обессилеет, ты выхвати у него меч и одним ударом отруби ему голову. Как срубишь ему голову, тотчас сзади тебя кричать будут: «Руби еще, руби еще!» А ты, сынок, не руби, а в ответ скажи: «Богатырская рука два раза не бьет, а все с одного разу!»

Только Иван-царевич успел под порфиру укрыться, как вдруг на дворе потемнело, все кругом затряслось; налетел Вихрь, ударился о землю, сделался добрым молодцем и входит во дворец; в руках у него боевая палица. «Фу-фу-фу! Что у тебя русским духом пахнет? Аль кто в гостях был?» Отвечает царица: «Не знаю, отчего тебе так сдается». Вихрь бросился ее обнимать-целовать, а Иван-царевич тотчас за палицу. «Я тебя съем!» – закричал на него Вихрь. – «Ну, бабка надвое сказала: либо съешь, либо нет!» Вихрь рванулся – в окно да в поднебесье; уж он носил, носил Ивана-царевича – и над горами: «Хошь, – говорит, – зашибу?» и над морями: «Хошь, – говорит, – утоплю?» Только нет, царевич не выпускает из рук палицы.

Весь свет Вихрь вылетал, уморился и начал спускаться; спустился прямо-таки в погреб, подбежал к той кади, что на правой руке стояла, и давай пить бессильную воду, а Иван-царевич кинулся налево, напился сильной воды и сделался первым могучим богатырем во всем свете.

Видит он, что Вихрь совсем ослабел, выхватил у него острый меч да разом и отсек ему голову. Закричали позади голоса: «Руби еще, руби еще, а то оживет». – «Нет, – отвечает царе-

вич, – богатырская рука два раза не бьет, а все с одного разу кончает!» Сейчас разложил огонь, сжег и тело и голову и пепел по ветру развеял. Мать Ивана-царевича радая такая!

«Ну, – говорит, – сын мой возлюбленный, повеселимся, покушаем, да как бы нам домой поскорей; а то здесь скучно, никого из людей нету». – «Да кто же здесь прислуживает?» – «А вот увидишь». Только задумали они кушать, сейчас стол накрывается, разные яства и вина сами на стол являются; царица с царевичем обедают, а невидимая музыка им чудные песни наигрывает. Наелись-напились, отдохнули; говорит Иван-Царевич: «Пойдем, матушка, пора! Ведь нас под горами братья дожидаются. Да дорогою надобно трех цариц избавить, что здесь у Вихря жили».

Забрали все, что нужно, и отправились в путь-дорогу; сначала зашли за царицей золотого царства, потом за царицей серебряного, а там и за царицей медного царства; взяли их с собою, захватили полотна и всякой всячины и в скором времени пришли к тому месту, где надо с гор спускаться. Иван-царевич спустил на полотне сперва мать, потом Елену Прекрасную и двух сестер ее. Братья стоят внизу – дожидаются, а сами думают: «Оставим Ивана-царевича наверху, а мать да цариц повезем к отцу и скажем, что мы их отыскали». – «Елену Прекрасную я за себя возьму, – говорит Петр-царевич, – царицу серебряного царства возьмешь ты, Василий-царевич; а царицу медного государства отдадим хоть за генерала».

Вот как надо было Ивану-царевичу с гор спускаться, старшие братья взяли за полотна, рванули и совсем оторвали. Иван-царевич на горах остался. Что делать? Заплакал горько и пошел назад; ходил, ходил и по медному царству, и по серебряному, и по золотому – нет ни души! Приходит в бриллиантовое царство – тоже нет никого. Ну, что один? Скука смертная! Глядь – на окне лежит дудочка. Взял ее в руки. «Дай, – говорит, – поиграю от скуки». Только свистнул – выскакивают хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» – «Есть хочу». Тотчас откуда ни возьмись – стол накрыт, на столе и вина и кушанья самые первые. Иван-царевич покушал и думает: «Теперь отдохнуть бы не худо». Свистнул в дудочку, явились хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» – «Да чтобы постель была готова». Не успел выговорить, а уж постель постлана – что ни есть лучшая.

Вот он лег, выспался славно и опять свистнул в дудочку. «Что угодно?» – спрашивают его хромой да кривой. «Так, стало быть, все можно?» – спрашивает царевич. «Все можно, Иван-царевич! Кто в эту дудочку свистнет, мы для того всё сделаем. Как прежде Вихрю служили, так теперь тебе служить рады; только надобно, чтоб эта дудочка завсегда при тебе была». – «Хорошо же, – говорит Иван-царевич, – чтоб я сейчас стал в моем государстве!» Только сказал, и в ту ж минуту очутился в своем государстве посеред базара. Вот ходит по базару; идет навстречу башмачник – такой весельчак! Царевич спрашивает: «Куда, мужичок, идешь?» – «Да несу черевки продавать; я башмачник». – «Возьми меня к себе в подмастерья». – «Разве ты умеешь черевки шить?» – «Да все, что угодно, умею; не то черевки, и платье сошью». – «Ну, пойдем!»

Пришли они домой; башмачник и говорит: «Ну-ка, смастери! Вот тебе товар самый первый; посмотрю, как ты умеешь». Иван-царевич пошел в свою комнатку, вынул дудочку, свистнул – явились хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» – «Чтобы к завтраму башмаки были готовы». – «О, это службишка, не служба!» – «Вот и товар!» – «Что это за товар? Дрянь – и только! Надо за окно выкинуть». Назавтра царевич просыпается, на столе башмаки стоят прекрасные, самые первые. Встал и хозяин: «Что, мблodeц, пошил башмаки?» – «Готовы». – «А ну, покажь!» Взглянул на башмаки и ахнул: «Вот так мастера добыл себе! Не мастер, а чудо!» Взял эти башмаки и понес на базар продавать.

В эту самую пору готовились у царя три свадьбы: Петр-царевич собирался жениться на Елене Прекрасной, Василий-царевич – на царице серебряного царства, а царицу медного царства отдавали за генерала. Стали закупать к тем свадьбам наряды; для Елены Прекрасной понадобились черевки. У нашего башмачника объявились черевки лучше всех; привели его во

дворец. Елена Прекрасная как глянула: «Что это? – говорит. – Только на горах могут такие башмаки делать». Заплатила башмачнику дорого и приказывает: «Сделай мне без мерки другую пару черевик, чтоб были на диво сшиты, драгоценными камнями убраны, бриллиантами усажены. Да чтоб к завтраму поспели, а не то – на виселицу!»

Взял башмачник деньги и драгоценные камни; идет домой – такой пасмурный. «Беда! – говорит. – Что теперь делать? Где такие башмаки пошить к завтраму, да еще без мерки? Видно, повесят меня завтра! Дай хоть напоследки погуляю с горя с своими друзьями». Зашел в трактир; друзей-то у него много было, вот они и спрашивают: «Что ты, брат, пасмурен?» – «Ах, друзья любезные, ведь завтра повесят меня!» – «За что так?» Башмачник рассказал свое горе: «Где уж тут о работе думать? Лучше погуляем напоследки». Вот пили-пили, гуляли-гуляли, башмачник уж качается. «Ну, – говорит, – возьму домой бочонок вина да лягу спать. А завтра, как только придут за мной вешать, сейчас полведра выдую; пускай уж без памяти меня вешают». Приходит домой. «Ну, окаанный, – говорит Ивану-царевичу, – вот что твои черевики наделали... так и так... поутру, как придут за мной, сейчас меня разбуди».

Ночью Иван-царевич вынул дудочку, свистнул – явились хромой да кривой: «Что угодно, Иван-царевич?» – «Чтоб такие-то башмаки были готовы». – «Слушаем!» Иван-царевич лег спать; поутру просыпается – башмаки на столе стоят, как жар горят. Идет он будить хозяина: «Хозяин! Вставать пора». – «Что, али за мной пришли? Давай скорее бочонок с вином, вот кружка – наливай; пусть уж пьяного вешают». – «Да башмаки-то готовы». – «Как готовы? Где они? – Побежал хозяин, глянул: «Ах, когда ж это мы с тобой делали?» – «Да ночью; неужто, хозяин, не помнишь, как мы кроили да шили?» – «Совсем заспал, брат; чуть-чуть помню!»

Взял он башмаки, обернул, бежит во дворец. Елена Прекрасная увидела башмаки и догадалась: «Верно, это Ивану-царевичу духи делают». – «Как это ты сделал?» – спрашивает она у башмачника. «Да я, – говорит, – все умею делать!» – «Коли так, сделай мне платье подвенечное, чтоб было оно золотом вышито, бриллиантами да драгоценными камнями усеяно. Да чтоб завтра было готово, а не то – голову долой!» Идет башмачник опять пасмурный, а други давно его дожидают: «Ну что?» – «Да что, – говорит, – одно окаянство! Вот проявилась переводчица роду христианского, велела к завтраму платье сшить с золотом, с камнями. А я какой портной! Уж верно завтра с меня голову снимут». – «Э, брат, утро вечера мудренее: пойдем погуляем». Пошли в трактир, пьют-гуляют. Башмачник опять налился, притащил домой целый бочонок вина и говорит Ивану-царевичу: «Ну, малый, завтра как разбудишь, так целое ведро и выдую; пусть пьяному рубят голову! А этакого платья мне и в жизнь не сделать». Хозяин лег спать, захрапел, а Иван-царевич свистнул в дудочку – явились хромой да кривой: «Что угодно, царевич?» – «Да чтоб к завтраму платье было готово – точно такое, как Елена Прекрасная у Вихря носила». – «Слушаем! Будет готово». Чем свет проснулся Иван-царевич, а платье на столе лежит, как жар горит – так всю комнату и осветило. Вот он будит хозяина; тот продрал глаза: «Что, аль за мной пришли – голову рубить? Давай поскорей вино!» – «Да ведь платье готово...» – «Ой ли! Когда ж мы сшить успели?» – «Да ночью, разве не помнишь? Ты сам и кроил». – «Ах, брат, чуть-чуть припоминаю; как во сне вижу». Взял башмачник платье, бежит во дворец.

Вот Елена Прекрасная дала ему много денег и приказывает: «Смотри, чтоб завтра к рассвету на седьмой версте на море стояло царство золотое и чтоб оттуда до нашего дворца сделан был мост золотой, тот мост устлан дорогим бархатом, а около перил по обеим сторонам росли бы деревья чудные и певчие птицы разными голосами воспевали. Не сделаешь к завтраму – велю четверить тебя!» Пошел башмачник от Елены Прекрасной и голову повесил. Встречают его други: «Что, брат?» – «Да что! Пропал я, завтра четверят меня. Такую службу задала, что никакой черт не сделает». – «Э, полно! Утро вечера мудренее; пойдем в трактир». – «И то пойдемте! Напоследях надо хоть повеселиться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.